

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ПЕНСКОЙ

ВОЕННОЕ ДЕЛО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

От Василия Темного до Михаила Романова
Вторая половина XV — начало XVII в.

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**Военное дело Московского
государства. От Василия Темного
до Михаила Романова. Вторая
половина XV – начало XVII в.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Пенской В. В.

Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в.
/ В. В. Пенской — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08380-7

С давних пор в российском общественном мнении устоялась точка зрения на военное дело Российского государства раннего Нового времени (вторая половина XV – конец XVII в.) как на нечто архаичное, примитивное и отсталое. Сформировавшийся в петровское время яркий образ московского ратного человека, мечтающего о том, чтобы государю послужить не вынимая сабли из ножен, оказал неизгладимое впечатление на последующие поколения отечественных историков, пренебрежительно расценивавших уровень развития русского военного дела московской эпохи. Между тем такие уничижительные оценки находятся в явном противоречии с исторической реальностью. За два с половиной столетия, с середины XV по конец XVII в., Российское государство достигло на внешнеполитическом поприще немалых успехов: не только покорило три татарских «царства», одолело в двухсотлетней войне Польско-Литовское государство, но и само стало империей. Добиться столь впечатляющих успехов, не имея в своем распоряжении надежного и эффективного «последнего довода королей» – хорошего, боеспособного войска и надлежащего уровня развития военного дела, – было бы невозможно. Но что представлял собой этот самый «последний довод» московских государей, благодаря которому они сумели добиться столь впечатляющих успехов? На этот вопрос отвечает книга доктора исторических наук, профессора В. В. Пенского, которая рассказывает о том, каким было русское военное дело второй половины XV – начала XVII в., когда была создана, прошла проверку в многочисленных боях и походах московская военная машина. Речь в этом исследовании идет не о сражениях, а именно об истории военного дела: численности государева

войска, особенностях его структуры и управления, логистике, военных финансах, тактике и стратегии, осадном деле, вооружении и многом другом.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-08380-7

© Пенской В. В., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

От автора	7
Очерк I. «И дается им корм и питье царское и конской корм...»: как решались проблемы снабжения московских ратей «классического» периода	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виталий Пенской
Военное дело Московского государства. От
Василия Темного до Михаила Романова.
Вторая половина XV – начало XVII в.

© Пенской В. В., 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Путь к этой книге оказался неожиданно долгим и сложным. Занявшись в начале 2000-х гг. всерьез изучением особенностей развития русского военного дела позднего Средневековья – раннего Нового времени, мы очень скоро пришли к выводу, что устоявшийся взгляд на военную машину Русского государства допетровской эпохи изрядно устарел и, мягко говоря, не соответствует действительности. Яркий образ московского ратного человека, мечтающего о том, чтобы государю послужить, не вынимая сабли из ножен, созданный публицистом и прожектером Петровской эпохи И. Т. Посошковым, ставший неотъемлемой частью «петровской легенды», произвел неизгладимое впечатление на последующие поколения отечественных историков, расценивавших уровень развития русского военного дела московской эпохи чрезвычайно низко.

Уничжительные характеристики и оценки, что давались (и продолжают даваться) русскому войску и военному делу допетровской эпохи, между тем находятся в противоречии с теми результатами внешней политики Русского государства эпохи раннего Нового времени. Ведь именно тогда Москва впервые сделала серьезную заявку на обретение ею имперского статуса и добилась немалых успехов на этом пути, покорив три татарских «царства» и одолев в тяжелой и изнурительной 200-летней войне Великое княжество Литовское (с 1569 г. ставшее частью единого польско-литовского государства – Речи Посполитой), своего главного конкурента в борьбе за доминирование в Восточной Европе. И ведь на эти обстоятельства было обращено внимание – так, генерал Х.-Г. Манштейн в своих записках о России 20-х – 30-х гг. XVIII в. отмечал, что полагать русских простаками по меньшей мере неблагоприятно, ибо «тем, которые составили себе подобное понятие, стоит только прочесть русскую историю семнадцатого столетия, за то время, когда честолюбие Годунова и происки поляков разделили нацию на несколько партий и поставили царство на край гибели... Несмотря на эти бедствия, русские, своими разумными действиями, сумели избавиться от владычества двух, столь могучих в то время врагов, каковы были Швеция и Польша. Менее чем в пятьдесят лет они завоевали снова все земли, отнятые у них во время этих смут, а между тем при этом у них не было ни одного министра, ни одного генерала из иностранцев. Размышляя об этих событиях, нетрудно сознаться, что столь важные предприятия не могут быть задуманы и выполнены глупцами»¹.

Эти слова Манштейна относились к XVII в., к после-смутному времени, когда Россия с трудом оправилась от последствий национальной катастрофы начала XVII в., отбросившей страну, государство и общество на много десятилетий назад. Что же тогда говорить о предшествующем столетии, когда молодое Русское государство еще не испытало пресловутых «великих потрясений» и успешно развивалось? И как тогда сочетать с несомненными успехами Москвы в эти десятилетия мнение патриарха отечественной историографии С. М. Соловьева? В своей классической «Истории России с древнейших времен» он писал о том, что «военная история Московского государства давно уже обнаружила несостоятельность русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного...», что многочисленные поражения русских войск в допетровскую эпоху объяснялись «дурным устройством» войска, «совершенной неприготовленностью русского служилого человека к ратному делу», «неумением владеть оружием» (sic! – В. П.)². Крымские, ногайские, казанские и сибирские татары, поляки и литовцы с русинами (подданные великих литовских князей), ливонцы и шведы с таким мнением не согласились бы. Не согласились с ним и мы, и желание разобраться (согласно

¹ Манштейн Х.-Г. Записки о России генерала Манштейна. М., 1998. С. 277.

² См., например: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. V. Т. 9. М., 1990. С. 163; Кн. VII. Т. 13. М., 1991. С. 67 и др.

завету другого патриарха исторической мысли, на этот раз немецкой – Л. фон Ранке) в том, а как оно было на самом деле (*wie es eigentlich gewesen*), точнее, составить для начала для себя непротиворечивую и цельную картину развития русского военного дела в раннем Новом времени, причем с учетом тех серьезных, поистине революционных перемен, которые происходили в военном деле Европы в это время, – в этом и заключалась цель предпринятых нами в начале 2000-х гг. исторических изысканий.

Само собой, за без малого два десятка лет изучения проблемы многое из того, что на первых порах казалось нам как будто очевидным и ясным, сегодня таким уже не видится (так, например, изменилось наше отношение к так называемой «ориентализации» русского военного дела в раннем Новом времени). Пришлось сузить и поле исторического поиска – как говаривал небезызвестный директор Пробирной палатки Козьма Прутков, «никто не обнимет необъятного», поэтому мы решили ограничиться временем с середины XV в. до начала XVII столетия, образно говоря, от сражения на окраинах Руси между московскими полками и новгородской ратью зимой 1456 г. до сражения под Добрыничами между царским войском и отрядами Лжедмитрия I в 1605 г. В эти полтора столетия сложилась и достигла совершенства «классическая», хорошо нам известная (хотя эта известность и довольно обманчива) московская военная машина, а русское военное дело приобрело характерные черты. XVII в., в особенности времена, наступившие после 2-й Смоленской войны 1632–1634 гг., – это уже иная эпоха, «постклассическая», которая чем дальше, тем больше будет отличаться от «классической», и это другая история, требующая отдельного подхода и отдельного исследования.

Отказ от стремления «объять необъятное» позволил сконцентрироваться на изучении важнейших аспектов развития русского военного дела «классического» периода. И, разрабатывая вопросы, связанные с его эволюцией, мы намеренно акцентировали наше внимание не столько и не сколько на «истории битв и сражений», но на истории того, что в западной историографии именуется термином *warfare*, на изучении того, «как это работает», как была устроена московская военная машина, как она функционировала. В этом в известном смысле мы равнялись на классическую «Историю военного искусства в рамках политической истории» немецкого историка Г. Дельбрюка (которая произвела на нас тридцать с лишком лет назад неизгладимое впечатление) и в особенности на не менее классическую «Войну в Средние века» французского исследователя Ф. Контамина³.

Само собой, мы прекрасно понимаем, что проблемы, поднятые в этой книге (несмотря, а может, благодаря ограниченности источниковой базы), вряд ли будут иметь в обозримом будущем (да и вообще когда-либо) более или менее удовлетворительное решение. Предложенная нами картина развития русского военного дела в «классическую» эпоху не более чем авторское видение картины, которое отнюдь не претендует на абсолютную истинность. Но мы надеемся на то, что, во-первых, полученные нами результаты, выводы и итоги (промежуточные, конечно, ибо практически нет сомнений в том, что через 10–15–20 лет многие из них будут расцениваться не так, как сегодня) станут тем фундаментом, той основой, от которой другие исследователи смогут оттолкнуться в своей работе. Во-вторых, прекрасно осознавая необъятность темы, мы преднамеренно ограничились серией очерков, которые затрагивают лишь некоторые, но, на наш взгляд, важнейшие аспекты развития русского военного дела в «классический» период (и тем самым оставили себе простор для маневра – кто знает, может, спустя некоторое время этот текст можно будет дополнить и расширить новыми очерками, иначе расставить акценты в отдельных вопросах и т. д. и т. п.). В-третьих, отбирая вопросы, на которые даются ответы в том или ином очерке, мы исходили из того, что событийная канва русской военной истории раннего Нового времени читателю и без того более или менее ясна (благо обзорных работ на

³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. СПб., 1996; Т. IV. СПб., 2001; Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001.

эту тему сегодня не то чтобы хватает, но ситуация с ними лучше, чем пару десятков лет назад). Ну а раз так, то нет необходимости заострять внимание на этой стороне истории военного дела, сосредоточившись – повторим это еще раз – на анализе особенностей работы военной машины Русского государства. Именно здесь, на этом направлении, остается много недосказанного и истолкованного превратно и есть широкое, нет, широчайшее поле для новых и новых исследований. И если наша работа сподвигнет кого-то из ее читателей к исследованиям в этой сфере, то мы будем считать, что одна из главных целей нашей работы была достигнута, ибо тех, кто занимается историей военного дела и военного искусства Нового и Новейшего времени, эпохой Петра Великого, наполеоникией и войн XX в., не в пример больше, чем интересующихся проблемами эволюции русского военного дела в предшествующие эпохи.

Завершая наше авторское вступление, мы хотели бы поблагодарить тех людей, без которых эта книга не появилась бы на свет. Это Д. Селиверстов, с которым мы неоднократно обсуждали многие вопросы, нашедшие свое отражение на страницах этой книги. Это Н. Гуров, которому я давно обещал, что засяду за написание этой работы, и вот выполняю теперь свое обещание. Это А. Чаплыгин, без деятельного участия которого я бы еще долго не осмелился бы приступить к обобщению результатов своих изысканий. Это К. Козюренко и К. Нагорный, на страницах издаваемого ими электронного журнала «История военного дела: исследования и источники» прошли апробацию многие положения и сюжеты этой работы. Это А. Безугольный, без которого эта книга, даже если бы она и была написана, не увидела бы свет, оставшись, как говорится, в ящике письменного стола (в виде электронного файла на рабочем столе персонального компьютера). Наша благодарность и читателям нашей странички в «Живом Журнале» и на других сетевых ресурсах, где размещены наши статьи и материалы по русской военной истории, – без вашей поддержки и заинтересованности имел бы смысл этот проект? Отдельная благодарность и кампании Google, благодаря которой стали доступны в Сети многие редкие и ранее труднодоступные издания материалов и документов, так или иначе связанных с историей русского военного дела. И само собой, наша глубочайшая признательность нашей супруге Т. Пенской, неизменно поддерживающей нас в наших начинаниях и обеспечивающей нам надежный тыл. И напоследок, прежде чем вы, уважаемый читатель, перевернете эту страничку, вспомните, что говорили римские консулы, завершая свою речь при передаче полномочий преемнику, – *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!*

Очерк I. «И дается им корм и питье царское и конской корм...»: как решались проблемы снабжения московских ратей «классического» периода

Американскому генералу О. Брэдли приписывают фразу: «Любители изучают стратегию, профессионалы изучают логистику». В этих словах кратко, но емко выражена вся квинтэссенция современной войны, начало истории которой можно отнести ко временам позднего Средневековья – раннего Нового времени, когда военное дело снова, как это было в древности, стало превращаться из искусства в науку. И в этой новой военной науке проблемам снабжения, точнее, способам их решения изначально отводилось немалое (и постоянно растущее) значение. Характеризуя значимость военной логистики, русский генерал-интендант Ф. К. Затлер писал в 1860 г., что «надобно удивляться, что продовольственная часть, столь важная в военное время, единственно от которой зависит часто успех или неуспех войны, остается до сих пор в таком забвении. Читая военную историю, много встречается вопросов, от чего такой-то главнокомандующий не воспользовался одержанною победою или не сделал такого-то движения, а ответа не находим нигде. Если б военные историки более обращали внимание на продовольственную часть и при описании сражений объясняли, сколько солдаты имели в ранцах сухарей пред сражением, в каком расстоянии были в то время провиантские транспорты и откуда они наполнялись, то, может быть, разъяснилось бы многое, что теперь темно...»⁴

Ничего необычного в таком отношении профессионалов к логистике нет. Напротив, надо удивляться тому, что в исторической литературе изучению этого вопроса уделяется крайне недостаточное внимание, и с этим невниманием связан целый ряд несуразностей и несообразностей в освещении вопросов военной истории и Средневековья, и раннего Нового времени, а хоть бы и в вопросе о численности армий того времени. Но, прежде чем заняться вплотную анализом русской военной логистики конца XV – начала XVII в. и теми способами, какими решали проблемы снабжения полевых армий русские воеводы и дьяки, немного теории и цифр. Характерной чертой военной («пороховой») революции позднего Средневековья – раннего Нового времени стало существенное увеличение численности армий – полевых прежде всего. Там, где раньше действовали сотни, в лучшем случае тысячи воинов, теперь мы видим, что в кампании участвуют десятки тысяч конных и пеших бойцов с соответствующими обозом и поголовьем строевых и обозных лошадей и волов. И если раньше войско в 10 тыс. ратных почиталось как нечто экстраординарное, необычное, выходящее за рамки привычного, то теперь это стало нормой, и отнюдь не редкостью были и более крупные полевые армии.

«Массы давали решительный исход делу», – писал об этом времени известный немецкий военный историк Г. Дельбрюк⁵, и эта закономерность была прекрасно осознана и королями, и их военачальниками эпохи раннего Нового времени. Отсюда и их стремление снарядить на войну возможно большее количество конницы и пехоты, непременно с сильной артиллерией – этим новомодным средством ведения войны и одним из важнейших залогов победы в ней. Но вот беда – вся эта масса людей и животных хотела есть и пить, причем животные даже в большей степени, нежели люди, ибо можно воздействовать на совесть, честь, чувство корпоративной этики, наконец, использовать меры дисциплинарного воздействия для того, чтобы рядовой боец согласился потерпеть еще немного, еще чуть-чуть в надежде на то, что ему или выплатят причитающееся денежное и кормовое жалованье (в среднем 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса и желательнее столько же овощей в день, не говоря о ежедневной выдаче 1–2, а то и более, литров

⁴ Затлер Ф. К. Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. I. СПб., 1860. С. VIII.

⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб., 2001. С. 46.

пива или вина – это и лишние калории, и к тому же явно полезнее воды, потому как далеко не всегда она чистая, ключевая), или же разрешать компенсировать причитающееся по договору, но невыданное, «сильным иманием» – попросту говоря, грабежом и насилием. Но на лошадей и волов эти меры не действовали, и без регулярной выдачи фуража и гарантированного водопоя они начинали умирать как мухи. А фуража лошадям нужно было немало – каждая лошадь потребляла в день (в среднем) или 25 кг травы, или же, к примеру, 2–3 кг овса, 4–5 кг сена и 2–3 кг соломы.

Легко посчитать, сколько потребуется провианта и фуража на армию, предположим, в 5 тыс. конницы (учитывая, что на 4–6 всадников нужна как минимум одна пароконная повозка с возницей) и 15 тыс. пехоты (на каждые 10 пехотинцев опять же пароконная телега и возница), не забыв при этом, конечно, про артиллерийский парк с его служителями. Безусловно, можно было, конечно, положиться на старый добрый принцип «война кормит войну», а также и на то, что, как писал все тот же Г. Дельбрюк, в XVI в. «хозяйственное управление упрощалось тем, что каждый солдат сам должен был заботиться о своем вооружении, одежде и коне», равно как и «продовольствие войска также в значительной мере предоставлено маркитантам»⁶. Однако то, что оправдывало себя в те времена, когда армии были небольшими, сейчас все чаще и чаще давало сбои. Многочисленные армии, проходя по местности, опустошали ее, подобно прожорливой саранче, и не важно, чья это была территория – своя или же чужая, и чем больше была армия, тем сильнее было опустошение. Как долго в таком случае поселяне и горожане могли кормить марширующие через деревни и города войска – вопрос более чем риторический. Осознание этого факта постепенно, вкупе с другими обстоятельствами, привело к перестройке системы снабжения полевых армий Нового времени.

Как обстояло дело с организацией снабжения армии в походе на Руси? С легкой руки имперского дипломата и мемуариста С. Герберштейна в литературе и общественном мнении утвердились представления о крайне непритязательном и неприхотливом воине-московите, ведущем в походе образ жизни, которому позавидовали бы даже спартанцы. Как следует из описания имперца, московит без проблем бивакировал в чистом поле и довольствовался незамысловатой похлебкой из толченого проса, сдабриваемой по возможности чесноком или луком (и если она была, то кусочком свинины). Столь же скромным в удовлетворении своих естественных потребностей в пропитании предстает из описания Герберштейна и преданный друг московита – его боевой конь⁷. Любопытно было бы, конечно, узнать, кто (или что) был источником для барона в данном случае, откуда он узнал такие подробности военной повседневности московских служилых людей 1-й четверти XVI в., ибо очевидно, что сам Герберштейн не участвовал в походах русского войска и не стоял вместе с ними на бивуаках. Да и вообще вся тональность этого описания наводит на подозрение, что мемуарист тем самым стремился подчеркнуть варварскую природу московитов – этих «детей природы».

Однако сейчас нас больше интересует другой аспект этого рассказа – из Герберштейнова описания логически вытекает соображение, что войско великого князя Московского не нуждалось в громоздких обозах (впрочем, сам Герберштейн так и пишет, что в предпринимаемых походах московиты действуют быстро⁸) и, в отличие от наемных армий Запада, на походе легко могло обойтись только местными ресурсами. Так ли это было на самом деле? И как решали московские власти проблемы военной логистики, которые, несомненно (вопреки утверждению Герберштейна), стояли перед ними как во время подготовки к кампании, так и во время самого похода?

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 243, 247, 249, 401.

⁸ Там же. С. 242–243.

В отечественной литературе проблемы военной логистики применительно к эпохе позднего Средневековья – раннего Нового времени (это касается более ранних времен), к сожалению, практически не рассматривались (впрочем, как и многие другие аспекты не «истории битв и сражений», а собственно истории военного искусства и военного дела – того, что в западной военно-исторической литературе именуется *warfare*). Почему так произошло (притом что для советской историографии с ее господством марксистской научной парадигмы внимание к материальной составляющей войн было бы более чем логичным) – ответ на этот вопрос, пожалуй, может составить предмет отдельного исследования. Пока что в порядке гипотезы можно предположить, что, с одной стороны, такое невнимание связано с тем, что проблемы изучения особенностей развития русского военного дела в отечественной историографии никогда не входили в число первостепенных (о чем мы уже писали выше), причем это касается как гражданских историков, так и, как это ни странно, военных (последних больше интересовала «история битв и сражений», но не история военного дела).

С другой стороны, серьезные трудности для изучения вопросов, связанных с военной логистикой, тем более применительно к Средневековью и раннему Новому времени, создавала плохая, если не сказать более того, сохранность источников, прежде всего актовых материалов и делопроизводственной документации. Нельзя сказать, правда, что необходимой информации нет в принципе – на страницах летописей, в актовых материалах 2-й половины XV – начала XVII в., в остатках приказной документации, в разрядных книгах (прежде всего частных) необходимый минимум информации есть. Но для того, чтобы его найти, необходимо в буквальном смысле слова перелопатить горы литературы и документов, с тем чтобы извлечь из них крупинки нужных сведений и затем, подвергнув их анализу, выстроить в итоге более или менее непротиворечивую картину изучаемого явления.

Так или иначе, но в итоге, хотя вопрос о необходимости серьезного изучения проблем военной логистики и был поставлен полтора столетия назад, по прошествии стольких лет воз и ныне остается на прежнем месте. Можно лишь с печалью констатировать факт неразработанности темы (подчеркнем – применительно к рассматриваемой эпохе, не говоря уже о более ранних⁹). Между тем хотя бы самое общее представление о тех трудностях, которые возникали и которые приходилось решать в ходе организации снабжения войск всем необходимым во время военных кампаний позволяют попутно ответить на ряд важнейших вопросов, связанных не только с историей русского военного дела (например, составить более или менее реальное представление о действительных размерах государевых ратей, и не только в рассматриваемый период), но и с историей политической, экономической и пр. Попутно отметим, что в современной западной историографии вопросы военной логистики (или логистики на войне) получили не в пример большее освещение и могут считаться отдельным направлением военно-исторической науки, давно и плодотворно разрабатываемым. Простое перечисление работ, больших (монографии и сборники статей) и малых (отдельные статьи), займет, пожалуй, не одну страницу¹⁰. И именно там, а не в России были сделаны первые попытки рассмотреть логистические

⁹ Редчайшее, чуть ли не единственное исключение – диссертация А. В. Быкова о новгородском войске XI–XV вв., в котором есть небольшой раздел, посвященный анализу проблемы снабжения новгородских ратей (См.: *Быков А. В.* Новгородское войско XI–XV веков. Дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2006. С. 126–145).

¹⁰ См., например: *Haldon J. et al.* Marching across Anatolia: Medieval Logistics and Modeling the Mantzikert Campaign // *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 65/66 (2011–2012). P. 209–235; *Nusbacher A.* Civil Supply in the Civil War: Supply of Victuals to the New Model Army on the Naseby Campaign, 1–14 June 1645 // *The English Historical Review*, Vol. 115. No. 460 (Feb., 2000). P. 145–160; *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 16, No. 1/2 (1970). P. 1–52; *Shean J.* Hannibal's Mules: The Logistical Limitations of Hannibal's Army and the Battle of Cannae, 216 B.C. // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Bd. 45. H. 2 (2nd Qtr., 1996). P. 159–187 и др. Ср., например: *Feeding Mars: logistics in Western warfare from the Middle Ages to the present*. Boulder, 1993; *Logistics of warfare in the age of the crusades: proceedings of a workshop held at the Centre for Medieval Studies, University of Sidney, 30 September to 4 October 2002*. Aldershot – Burlington, 2006; *Parker G.* The Army of Flanders and the Spanish Road 1567–1659. Cambridge, 1972.

проблемы применительно к русскому военному делу конца XV–XVI в.¹¹ В этом очерке мы попытаемся едва ли не впервые в современной отечественной военно-исторической литературе рассмотреть проблемы русской военной логистики эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени, эпохи формирования и развития централизованного Русского государства и военной (или, если вести речь именно об этом времени, «пороховой»¹²) революции.

Отправной точкой, от которой мы начнем наш рассказ, будет определение примерных размеров некоего физиологического минимума «корма» (название условное, поскольку говорить о централизованном снабжении, согласно определенным, утвержденным властью нормам, говорить применительно к рассматриваемому времени еще преждевременно), который должны получать ежедневно ратники и кони для того, чтобы компенсировать если не полностью, то хотя бы большую часть ежедневного расхода энергии (не говоря уже о том, что не стоит забывать и о «статусном» потреблении, весьма далеком от физиологического минимума) и тем самым сохранить боеспособность. При этом, учитывая, что энергетическая ценность этого минимума не менялась на протяжении столетий (поскольку физиология людей и коней на протяжении этого времени радикальным образом не менялась), имеющиеся сведения можно, на наш взгляд, экстраполировать и на другие времена, равно как и заимствовать недостающие данные отсюда применительно к рассматриваемому периоду.

Начнем с лошадей, поскольку подвижность и ударная мощь армии в эпоху Средневековья и раннего Нового времени (да и позднее тоже) во многом определялась качеством строевых и обозных лошадей, и в первую очередь их способностью переносить дальние переходы и скорые марши, неся на себе всадника, вьюк или же тянуть воз с поклажей. Сила же и выносливость лошади зависела от того, чем и как ее кормить. И снова стоит вспомнить недобрым словом Герберштейновы «Записки о Московии», из которых как будто следует, что татарские кони, на которых в XVI в. ездил большая часть русской конницы, были крайне непритязательны к качеству и количеству фуража («малорослые, но крепкие, [одинаково] хорошо переносящие голод [и работу] и питающиеся ветками и корой деревьев, а также корнями трав, которые они выкапывают и вырывают из земли копытами»¹³). Однако сохранившиеся документы и актовые материалы позволяют утверждать, что такое описание не вполне соответствует действительности (тем более что тебеневка далеко не всегда могла решить проблему прокорма лошадей – как, например, зимой 1534/35 г., когда русской рати, посланной в Литву, пришлось действовать в сильные морозы и обильные снега¹⁴). И русские лошади (впрочем, и татарские тоже) все же получали несколько иной корм в качестве фуража, причем его, фуража, характер существенно различался в зависимости от времени года.

Несколько выдержек из документов того времени. К примеру, в октябре 1502 г. Иван III наказывал приставу Федору Васильеву сыну Далматову, сопровождавшему крымских послов, «корм давати послом на станех» (то есть, выходит, на один день) по следующей «норме» – «на десять лошадей острамок сена да четверть овса» (обращает на себя внимание тот факт, что татарские лошади должны были получать овес и сено, а не довольствоваться подножным кормом)¹⁵. Для сравнения – в 1591 г. «сметой, што надобети лошадем монастырским овса»

¹¹ См.: *Hellie K.* The Costs of Muscovite Military Defense and Expansion // *The military and society in Russia: 1450–1917.* Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 41–66; *Smith D.* Muscovite Logistics, 1462–1598 // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 71. No. 1 (Jan., 1993). P. 35–65; *Stevens C.* Food and supply: logistics and the early modern Russian army // *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800.* Leiden; Boston, 2012. P. 119–146.

¹² О военной, или «пороховой», революции позднего Средневековья – раннего Нового времени см., например: *Пенской В. В.* Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // *Новая и новейшая история.* 2005. № 2. С. 194–206; О дискуссии вокруг проблемы военной революции см.: *Пенской В. В.* Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // *Новая и новейшая история.* 2012. № 3. С. 152–158.

¹³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 401.

¹⁴ Псковская 3-я летопись // *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 228.

¹⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. I //

Иосифо-Волоколамского монастыря предписывалось лучшим лошадям выдавать ежедневно на 10 голов все те же четверть овса и острамок сена¹⁶. То есть ежедневная сутодача фуража на «строевого» (не рабочего) коня составляла порядка 4–5 кг овса и 6–8 кг сена, и выдавать ее должны были в течение «7 месяцев, с октября с 1-го дни да до месяца мая 1-го дни»¹⁷. Любопытно, что и в петровское время армейскими артикулами было предусмотрено, чтобы драгунский строевой конь получал в течение полугода (остальные полгода кони находились на подножном корму) 6 четвертей овса и 90 пудов сена¹⁸. Дневная норма при этом составляла около 4 кг овса и 8 кг сена (при этом необходимо иметь в виду, что среднестатистический драгунский конь того времени, времен Петра I, практически ничем не отличался от тех коней, на которых ездил основная масса русских детей боярских 2-й половины XV–XVI в.). И при переводе на подножный корм проблема обеспечения конского поголовья все равно сохраняется. Опыт показывает, что при выполнении легкой работы (таковой считался обычный дневной переход в 35 км) 300–350-килограммовая лошадь (а именно такие лошади составляли основу русской конницы в рассматриваемый период) нуждалась примерно в 30–35 кг хорошей травы ежедневно, а при переходе в 60 км (средняя работа) – уже в 45–50 кг¹⁹. Легко посчитать, сколько потребуется в день фуража для конной армии в 10–15 тыс. ратных, если каждый из них будет одвуконь, и добавив к этому числу еще обозных лошадей.

Сохранившиеся сведения позволяют также составить представление о размерах физиологического минимума и для ратников. Для XVIII в. общепринятая годовая норма зерна на душу (имеется в виду взрослый мужчина – работник) равнялась 24 пуда или, в пересчете на калории, 3200 ккал в день. С учетом же расходов на прокорм скота и продажу зерна на рынке «норма» падала до 18 пудов на душу или даже ниже, что в переводе на калории составляло 2100–2400 ккал/сут. Отечественный историк Л. В. Милов, который привел эти цифры, отмечал далее, что «годовая потребность в зерне для крестьянина в три четверти – это **суровый режим очень скудного питания** (выделено нами. – В. П.), жесткий режим экономии...». При этом, продолжал он, «для XVIII–XIX столетий такая норма (но только для питания) была общепринятой. Она была принята в армии, она же фигурирует и в научной литературе на XIX в. ...»²⁰

Можно ли попытаться найти некие усредненные показатели размеров «пайка» для служилого человека, к примеру, на XVI в.? Любопытные сведения на этот счет сохранила Литовская Метрика. Так, в 1562 г. великий князь Литовский пожаловал двух московитов, «перелетевших» на его сторону, своим «кормовым» жалованьем. Его размер составил (на каждого) по бочке жита, бочке солода, 2 корца крупы, 2 корца гороха, пуд соли, полть свиного мяса на квартал и дополнительно к этому деньгами на свежее мясо, рыбу и сукно – 4 копы грошей (240 грошей) на год²¹. В аналогичном случае спустя четыре года другим четверем московским перебежчикам было обещано аналогичное кормовое и денежное жалованье – на квартал бочку жита, бочку солода, полбочки крупы, полбочки гороху, свиная полть, пуд соли и на рыбу со свежим мясом копу грошей²². Зная примерный объем и вес бочки и корца жита и крупы, можно

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 441–442.

¹⁶ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. Т. I. М.; Л., 1976. С. 32–33.

¹⁷ Там же. С. 32. Польский шляхтич С. Немоевский писал в начале XVII в., что у московитов «зима действительно длинная, и $\frac{3}{4}$ года надо скот кормить в скотном дворе; только на Вознесенье (то есть неделю спустя Пасхи. – В. П.) начинают выгонять в поле» (Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006. С. 196).

¹⁸ См.: *Иванов П. А.* Обзорение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого и до наших дней. СПб., 1864. С. 29–30.

¹⁹ См., например: *Калинин В. И., Яковлев А. А.* Коневодство. М., 1961. С. 166, 162.

²⁰ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 388–389.

²¹ Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559–1566). Мінск, 2001. С. 66.

²² Lietuvos Metrika. Kn. № 51 (1566–1574). Vilnius, 2000. S. 60.

предположить, что в таком случае дневной «паек», обещанный от великокняжеского «скарба» каждому московскому сыну боярскому, равнялся примерно 1 кг ржи, четверти килограмма крупы, столько же гороху, несколько меньше полфунта свинины и 20 г соли. Калорийность такого «пайка» составила бы в таком случае примерно 4,5 тыс. ккал/сут.

Делопроизводство московских приказов столь подробных росписей выдачи «корма», к сожалению, не оставило. Из сохранившихся документов можно лишь представить примерные размеры хлебного жалования (как, например, в 1578 г. в ливонских крепостях стрельцам и казакам полагалось «на месяц по осмине человеку ржи...», или чуть больше 1 кг ржи, то есть те же самые 24 пуда в год²³) и дополнительного «приварка» (в уже упоминавшемся выше наказе Ивана III посольскому приставу Федору Далматову указывалось, что надлежит выдавать «на станех» (то есть ежедневно) «татаром царевым Менли-Гиреевым людем, девяти человеком: тушу баранью, да полгривенки соли, да ставец заспы...»²⁴ Другой пример – в октябре 1591 г. стрелецкий голова Иван Кашкаров получил из Стрелецкого приказа предписание выступить из Астрахани в Москву на «немецкую службу» (на войну со шведами) со своим приказом конных стрельцов. По дороге в городах Темникове и Кадоме стрельцам Кашкарова надлежало «попочинуть день пять или шесть», взяв на месте «корму» из расчета «на десять человек по полуосмине круп, по полуосмине толокна...»²⁵. Но если предположить, что служилые люди должны были к этому казенному «приварку» добавлять свой собственный хлеб/сухари, то мы выходим на ежедневную «норму» примерно в 4 тыс. ккал. И с достаточно высокой степенью уверенности можно предположить, что эта «норма» применима не только к XVI в., но и к более поздним, и к более ранним временам.

Безусловно, подчеркнем это еще раз, применительно к XV–XVI вв. (и тем более к XIII–XIV вв.) вести речь о некоем «стандартном» «пайке», который должен был непременно получать служилый человек в походе, было бы преждевременно. Однако это вовсе не означает, что он должен был довольствоваться той самой Герберштейновой пустой похлебкой из толченого проса и воды на протяжении всей кампании, которая могла длиться месяцами и включать в себя и долгие переходы, и набег, и «прямое дело»²⁶. И как полуголодный ратник должен был биться в таком случае с неприятелем «лучным и вогненным боем» и «ручным сечением»?

Для ответа на этот вопрос необходимо определиться: а как, собственно, решалась проблема снабжения русских ратей в те времена? Простейший и самый древний способ – переложить ее разрешение на плечи самих служилых людей, пускай они сами озаботятся тем, чтобы взять с собой в поход необходимый провиант для себя и фураж для своих коней, боевых и вьючных. Так, приняв решение отправиться в поход на непокорных казанцев, юный Иван IV и Боярская дума осенью 1545 г. отправили в Новгород грамоту, согласно которой новгородцы должны были «нарядити» почти 2 тыс. конных людей и 2 тыс. пищальников, половину – конных, а другую – пеших. При этом в грамоте указывалось, что «те б пешие пищальники были в

²³ Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов воевод) 1571–1580 гг. М.; Варшава, 1998. С. 108, 110, 116.

²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. I. С. 441–442.

²⁵ Акты служилых землевладельцев. Т. IV. М., 2008. С. 137.

²⁶ Любопытно в этой связи свидетельство князя Андрея Курбского. Рассказывая о своем участии в Казанском походе 1552 г., он писал, что после того, как был отбит набег крымского хана Девлет-Гирея на Тулу, Иван IV направил часть своих сил «чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую» и далее степью («великими диким полем») для бережения от внезапного удара со стороны ногаев. «И аки бы по пяти неделях гладом и с нуждою мною доидохом Суры, реки великие, – продолжал далее Курбский, – на устья Барыша речки, идеже и он (то есть Иван IV. – В. П.) в тот же день с войски великими прииде. И того дни хлеба сухого наядохомся со мною сладостию и благодарением, ово зело драго купующе, ово позычающе от сродных и приятел, и друзей: бо нам его было не стало аки бы на 9 дней...» (*Курбский А. М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 32*). Этот пассаж можно трактовать как указание на то, что собственных запасов сухарей рати, посланной окольным путем, хватило только на 9 дней (ср.: Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003. P. 17), после чего войско было вынуждено питаться подножным кормом, промышляя, по словам Курбского, охотой и рыболовством.

судех, а суды им себе готовити собою; а у конных людей, и у пишалников у конных, суды были ж, в чем им корм и запас свой в Новгород в Нижней провадити»²⁷. Другой пример – в 1553–1554 гг. царским указом посошным людям из Углича, Дмитрова, Зубцова, Белой и Твери, которые должны строить и ремонтировать засеки под Тулой, «корму тем посошным людем велено с собою имати своего и конского до тех мест, как лес листом оденетца...»²⁸. Третий, не менее характерный случай – в преддверии Полоцкого похода Иван Грозный «по городом велел послати грамоты, чтоб дети боярские по тем местом, где которым велено были, однолично были и запас пасли на всю зиму и до весны...» (примечательно, что формулировка эта от века практически не менялась – достаточно сравнить это требование с аналогичным предписанием служилым людям, но датированным 1673 г.: «И всяких чинов служилым людем сказать, чтоб они к нашей государевой службе были со всем наготове, лошади кормили и запасы пасли...»²⁹). При этом в грамоте четко были оговорены и сроки начала кампании, «Николин день осенний», и, как видно из цитаты, ее примерная продолжительность (то есть предполагалось, что кампания продлится с 6 декабря и до 1 марта, три месяца).³⁰

Столь же древним, как и первый, способом снабжения ратей (и, надо сказать, неплохо с ним уживавшимся) были реквизиции (или, как их именовали в летописях и актах, «силное имание») провианта и фуража у местного населения проходящими войсками. Его порядок хорошо просматривается из актовых материалов. Так, в 1564 г. Иван IV выдал игумену Чудова монастыря Левкию с братиею «жаловальную» грамоту, из текста которой следовало следующее: «А наши князи и бо[яре, и дети боярские, и ратные], воеводы, и ловчие, и псары, и бобровники, и всякие ездоки в тех их селех и в деревнях не ставя[т]ца, [ни к]ормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют. И гонцы мои подвод, ни проводников у них не емлют же, опричь ратных вестей»³¹. Таким образом, проходя через города и села, ратники имели право требовать с поселян и посадских не только «корм», но еще и подводы и проводников-вождей.

На неприятельской же земле действовал в полную силу пресловутый принцип «Война кормит войну». Характерным примером тому может служить зимний 1534/35 г. поход русских войск в Великое княжество Литовское во время Стародубской войны 1534–1537 гг., длившийся с конца ноября по начала марта (те самые три месяца, как Полоцкий и целый ряд других походов – в первую очередь зимних!). За это время государевы воеводы огнем и мечом опустошили «королеву державу» «от Смоленского рубежа» до «Немецкого», «у городов посады жгли, и волости и села королевы и панские жгли, а людеи пленили без-численно множество, а животину секли и многих людеи побили». В итоге, по словам летописца, русское «воинство, цело и здраво приидоша в Опочку с великою корыстию и со многим пленом...»³².

Из этого (и других, подобных ему) описания картина нашествия представляется достаточно четкая. Держа главные силы и обоз-кош в кулаке, воеводы рассылали посменно во все

²⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. С. 184.

²⁸ Акты служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997. С. 207.

²⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб., 1857. С. 253.

³⁰ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562–1563 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 123. Для сравнения – готовясь к походу на Астрахань, крымский «царь» Девлет-Гирей I заявил османскому Касым-паше, что «запас деи татарский знаешь – у татар деи запас будет на месяц, и в силах – на два, а болши деи того запаса у них не будет» (Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. С. 175). Это при том, что, согласно сведениям Книги Большому чертежу, «от Царева города (Царев-Борисов, ныне не существующий город на территории Харьковской обл. – В. П.) до Перекопи скорою ездою ехати 5 дней, а с телегами ехати 2 недели» (Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 67). Без обоза же из расчета 1 телега на 5 человек татары в большой поход не вступали (см., например: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. С. 225).

³¹ Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю: (XVI в.) // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 25. М., 1962. С. 319.

³² Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 15.

стороны от главного маршрута отряды детей боярских и их послужильцев «в зажитье»³³, и те решали проблему снабжения себя провиантом и фуражом, попутно и набирая полон и животы, опустошая и разоряя все на своем пути.

В том же духе решали проблему снабжения государевы воеводы и во время осад, которыми так богата русская военная история той эпохи. Примером тому могут служить действия Ивана III в конце 1478 г., когда он осадил Новгород. Подступив к городу, в воскресенье 30 ноября он «велел всем воеводам по корм посылати людеи половину, а другую у себя оставлять, а срок им по корм 10 дней, а в 11 в четверток по Николе дни всем быти под городом, где бы хто ни был»³⁴. Порой такие «фуражировки» превращались в серьезные военные экспедиции, которые поручались опытным и заслуженным военачальникам. Так было в 1456 г., когда Василий II, выступив против Новгорода, «на Русу послал изгонную рать», или в 1471 г., когда наступлению главных сил московской рати предшествовали действия такой же «изгонной» рати князя Д. Д. Холмского (который по государеву наказу «распустиша воа своя на многие места жещи и пленити и в полон вести и казнити без милости»), или зимой 1549/50 г., когда Иван IV, «идучи х Козани... послал воевод своих для своево дела и земского... козанских мест воевати и кормов добывати»³⁵.

Проблемы со снабжением могли частично (или полностью) перекладываться на союзников. Так, в 1473 г. псковичи взяли московское воинство на полное содержание, «начаша к ним на Завеличье по чередам вожити ис коньчов» «корм, хлеб и вологоу и мед и пиво, и конем своим овес, и сено...», а затем, после 9-недельного стояния во Пскове, еще и обеспечили снабжение уходящего великокняжеского войска «до рубежа»³⁶. Спустя четыре года, в ходе кампании на северо-западном направлении в 1477–1478 гг., Иван III предложил псковичам «послужить» ему. «И псковичи же и всем князю великому в тыа часы по его словоу, и хлеб, и мед и моуку пшеничную и колачи и рыбы пресныа, все сполоу покروтивь, своими извожники к нему послали», не говоря уже о том, что многие псковские купцы-«маркитанты» на свой страх и риск отправились в лагерь великого князя «с иным товаром с разноличным с многым...»³⁷.

Кроме того, ратные могли рассчитывать также и на содействие местных властей. Последним указанием великого князя вменялось в обязанность собирать по ямам запасы провианта и фуража с последующей раздачей их проходящим войскам во избежание эксцессов (как было сказано в грамоте Ивана IV, чтобы «крестьянству того для дорогою силы и грабежу кормового не было»³⁸), связанных с «силным иманием». Как вариант, собранные припасы могли на «срубленных» с сох телегах отправляться на «передовую» (в кампанию 1535 г. псковичи не только «нарядиша» на государеву службу 900 пищальников, но еще и снарядили «3000 коней оу телегах и человека на кони, и 3000 четвертеи овсяной заспы, толокно, 3000 полтеи свинины, 3000 четвертеи солоду, 360 четвертеи горохоу, а семени ко[но]пляного 360 четвертеи» для гарнизона возведенной на озере Себеж крепости Ивангород³⁹).

Конечно, эта повинность тяжким грузом ложилась на плечи тяглецов (повествуя об упоминавшемся выше зимнем походе 1534/35 г., псковский летописец отмечал, что «царь (сибир-

³³ Подробное описание действия татар во время такого рода походов см., например: *Боплан Г.-Л. де. Описание Украины*. М., 2004. С. 231, 233, 235, 237, 239, 245.

³⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 315.

³⁵ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 194; Московский летописный свод конца XV века. С. 288; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 123; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 375.

³⁶ Псковская 3-я летопись. С. 195, 198.

³⁷ Там же. С. 215. Ср.: «Тако же и купцов безчисленное множество с различными живнотми и со многими иными товары приплыша, идеже бяше всего достаток, чего бы душа восхотела...» (начало осады Казани в 1552 г., *Курбский А. М. История о делах великого князя московского*. М., 2015. С. 34).

³⁸ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846. С. 129.

³⁹ Псковская 3-я летопись. С. 228. Ср.: Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 107.

ский царевич Шах-Али б. Ак-Доулет. – В. П.) шол на Псков, а по ямом корм давали, во Псков им не велели быти (чтобы не иметь проблем с «сильным иманием»? – В. П.), и псковичи царю и с тотары давали корм в оулазных нивах; и бысть во Пскове того году побор велик, таков не бывал во Пскове...»⁴⁰), но лучше так, чем терпеть постоянные самочинные поборы и реквизиции со стороны проезжих ратных, от которых целый уезд и волость быстро пришли бы во всеконечное запустение и разорение.

Наконец, великокняжеская власть могла взять содержание ратных и на себя. Чуть ли не хрестоматийный пример относится к осени 1469 г. Тогда, после тяжелого и кровопролитного набега на Казань, великий князь Иван Васильевич «пожаловал» пробившихся сквозь татарскую судовую рать устюжан, выслав им своего «запасу» «семь сот четвертеи муки, да триста пудов масла, да триста луков, да шесть тысяшь стрел, да 300 шуб бораньих, да триста однорядок, да триста сермяг» на «зимованье» под Казанью⁴¹.

Казалось бы, при столь разнообразных источниках получения «корма» проблема снабжения должна быть относительно легко решаемая. Возможно, именно так думал и великий князь Владимирский и Тверской Михаил Ярославич, когда в 1316 г. попытался было наказать непокорных новгородцев и отправился на них походом со «**всею силою Низовьскою**» (выделено нами. – В. П. Важная деталь – великий князь поставил под свои знамена весьма значительные по тем временам силы!). Однако новгородцы мобилизовали все свои силы, и князь Михаил не рискнул вступить с объединенной новгородской ратью в «прямое дело», «не дошед города, ста в Устьянех (Устьянский погост Деревской пятины находился в 50 верстах от Новгорода. – В. П.); и тако мира не возма, поиде прочее, не успев ничтоже». При этом великокняжеская рать, проев за время бесцельного стояния взятые с собою припасы и опустошив местность, на обратном пути «заблудиша в озерех и в болотех; и начаша мереть голодом, ядыху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное пометаша: и приидоша пеши в дома своя, приемше рану немалу...»⁴².

Где кроется корень проблем, с которыми столкнулся князь Михаил и с которыми он и его воеводы не сумели справиться? Похоже, что князь и его воеводы несколько недооценили сложность организации снабжения большого войска. Действительно, случаев, когда в поход выступало разом более 10 тыс. ратных (не считая обслуживающего персонала – всякого рода обозной прислуги и пр.), в русской средневековой истории немного. Даже в знаменитой Куликовской битве, которая вошла в историю как образец эпического противостояния, с русской стороны, как показывают расчеты, принимало участие никак не больше 10 тыс. бойцов, а скорее всего, существенно меньше⁴³. В тех же случаях, когда летописи дают более или менее точные сведения, счет идет на сотни, в лучшем случае на первые тысячи ратников. Так, псковичи в 1426 г., во время конфликта с великим князем литовским Витовтом, послали на помощь осажденной Опочке полсотни бойцов «снастной рати», а главная псковская рать во главе с посадниками Селивестром Леонтьевичем и Федором Шибалкиным вступила в бой с войсками Витовта, имея в своем распоряжении 400 ратников. Князь Василий Юрьевич в 1435 г. взял Вологду, имея «дружины» 300 человек, а его брат Дмитрий Шемяка имел в своем распоряжении в 1436 г. около 500 дворян. Литовский князь Александр Чарторыйский, не желая присягать Василию II, в 1461 г. покинул Псков, где он пребывал на положении служилого князя, и увел с собою «двора его кованой рати боевых людеи 300 человекъ, опричь кошовых...» Наконец, в печально знаменитом сражении под Суздалем летом 1445 г., в котором Василий II был

⁴⁰ Псковская 1-я летопись. С. 106–107.

⁴¹ Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 47.

⁴² Новгородская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 95.

⁴³ См., например: Бульчев А. А. Живые и мертвые // Родина. 2010. № 8. С. 8–14; Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 268; Пенской В. В. О численности войска Дмитрия Ивановича на Куликовом поле // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 157–162.

разбит татарами и пленен, его «полк» вместе с «полками» его вассалов князей Ивана Можайского, Михаила Верейского и Василия Серпуховского насчитывало менее 1 тыс. всадников. Пришедший к ним на помощь владимирский «полк» воеводы Алексея Игнатьевича насчитывал 500 ратных. Противостоявших им татар было, по сообщению летописца, 3,5 тыс.⁴⁴ При этом, как правило, кампании были краткосрочными и ратям приходилось действовать рядом с родным домом.

Между тем характерной особенностью Восточноевропейского театра военных действий была невысокая плотность населения и неразвитость инфраструктуры, существенно затруднявшая снабжение войск, действовавших здесь⁴⁵. Согласно расчетам генерал-интенданта 1-й русской Западной армии Е. Ф. Канкрин, тот самый принцип, когда война кормит войну, более или менее удовлетворительно работает только в том случае, если плотность населения на предполагаемом театре военных действий составляет не меньше 2000 человек на 1 квадратную немецкую милю (или примерно 35–36 человек на км²). Такая плотность населения характерна для наиболее развитых регионов Западной, но никак не Восточной Европы. Так, в начале XVIII в. в Ломбардии этот показатель составлял 55 человек на км², во Франции – 39, Силезии – 31, Пруссии – 15, тогда как в Речи Посполитой – 8, а на западе России – 6⁴⁶. И в рассматриваемый нами период ситуация на той же Новгородчине в лучшую сторону никак не отличалась. В упомянутой выше Деревской пятине в начале 40-х гг. XVI в. деревни-однودворки составляли почти 45 % от общего числа сельских поселений, двухдворки – несколько больше 31 % и чуть больше 16 % – трехдворки. Больших сел, насчитывающих более 20 дворов, было всего лишь 0,1 %⁴⁷. Качество же русских дорог давно уже стало притчей во языцех, и весенне-осенняя распутица не раз становилась непреодолимым препятствием для передвижения не только войск и обозов, но даже одиночных всадников, как это было, к примеру, осенью 1559 г.⁴⁸ При чем тут распутица – исходя из контекста летописного свидетельства, Михаил отправился на Новгород «со всею силою Низовскою» летом 1316 г., причем, скорее всего, во второй его половине, чтобы можно было фуражироваться по ходу дела, «имая силно» провиант и фураж у крестьян и занимаясь потравой полей.

Однако внушительная военная демонстрация не испугала новгородцев, севших в осаду, и Михаил не рискнул атаковать. Простояв бесцельно в Устьянах несколько недель в ожидании капитуляции мужей новгородских, ратники Михаила употребили взятый с собой съестной припас, а «сильное имание» для удовлетворения потребностей столь многочисленной армии нужного количества «корма» дать не могло. Легко представить, к примеру, размеры луга, на котором нужно прокормить лошадей, скажем, 10-тысячной армии, не говоря уже о более многочисленных ратях (притом что сын боярский должен был выступать «в далной поход о дву конь» как минимум⁴⁹). А дальше осень, дожди, распутица и то, что можно назвать «синдромом Старой Смоленской дороги» – численность собранной великим князем армии обернулась против нее самой. Возвращаясь по опустошенной прежде дороге (русский полковник И. В. Вуич в 1850 г. писал, что при фуражировках войска «редко обращают внимание на сохранение тех предметов, которые не могут захватить с собою, и потому от небрежения истребляется гораздо более припасов, чем сколько их идет действительно на потребности войск, и средства

⁴⁴ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 149; Московский летописный свод конца XV века. С. 262–263; Псковская 1-я летопись. С. 36, 58; Софийская 2-я летопись. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 104–106.

⁴⁵ См., например: *Курбский АМ*. История о делах великого князя московского. С. 32.

⁴⁶ См.: *Canrin G. L.* Über die Mlitairökonomie im Frieden und Krieg, und ihr Wechselverhältniss zu den Operationen. Erster Band. St. Petersburg, 1820. S. 230; *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics and Strategy in the Second Half of the 17th Century. P. 4.

⁴⁷ Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1974. С. 32. Ср. данные по Порховскому, Новгородскому и Старицкому уездам Шелонской пятины на 1539 г. (Там же. С. 81, 114, 115).

⁴⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 321.

⁴⁹ Там же. С. 269.

края гораздо скорее истощаются, чем при других способах»⁵⁰), полки Михаила столкнулись с невозможностью решить проблему снабжения обычными способами и оказались в безвыходном положении.

Очевидно, что ставка на фуражировку и снабжение с местности («сильное имание»), по которой проходила «Низовская сила», в данном случае дала сбой. И это, кстати, не единственный подобный случай. Так, оправдываясь перед Иваном III за неудачу под Смоленском осенью 1502 г., его сын Дмитрий Жилка, командовавший осаждавшими город государевыми полками, заявил, что во всем-де виноваты «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушаша»⁵¹. Очевидно, что затянувшееся «стояние» под смоленскими валами (поход начался 14 июля, а завершился 23 октября 1502 г.) очень скоро привело к тому, что и запасы, взятые с собой детьми боярскими и посохой, были использованы, и ресурсы Смоленского уезда израсходованы, а непрерывные дожди и распутица помешала организовать подвоз провианта и фуража. Отсюда и проблемы с дисциплиной, и падение боеспособности русского войска. Схожая ситуация случилась в 1518 г., когда русские полки осаждали Полоцк. Опустошение местности из-за затянувшейся осады и невозможность наладить снабжение по причине непогоды очень скоро привели к тому, что в лагере осаждавших начался острый недостаток провианта и фуража. Псковский летописец с горечью писал, что среди осадивших Полоцк русских ратников «бысть глад велик, колпак соухареи в алтын и боле, и коневьи корм потому ж дорог был...»⁵².

Мы не случайно привели три этих примера, ибо что в 1316 г., что в 1502, что в 1518 г. проблемы со снабжением испытывало большое, насчитывавшее порядка 10 тыс. и даже более ратных (не считая многочисленной обозной прислуги) и еще больше коней, войско. Но то, что во времена Михаила Тверского и Василия Темного было из ряда вон выходящим случаем, при Иване III и тем более при его внуке Иване IV стало нормой. С одной стороны, как отмечал отечественный историк А. Смирнов, «военная централизация (на Руси. – В. П.) была достигнута гораздо раньше, чем политическая или экономическая, – уже при Иване III»⁵³. Этот тезис поддержал Ю. Г. Алексеев, который, подводя итоги своего анализа военной политики Ивана III, писал, что «старая система межкняжеских военных конвенций не была отменена формально, но была ликвидирована фактически... Политика Ивана III привела к созданию новой структуры – единого Российского государства, обладающего суверенными правами на всей своей территории. Этот основной факт решающим образом повлиял на военную систему Русской земли... Совокупность княжеских ополчений превратилась в единое российское войско под единым командованием и централизованным руководством»⁵⁴. С другой стороны, во 2-й половине XV в. Россия втянулась в процессы, связанные с военной (или «пороховой») революцией, характерным признаком которой, как уже было отмечено выше, стало увеличение численности армий – как вообще, так и полевых. Уже Василий II Темный на закате своего правления мог выставить в поле без особых проблем рать, насчитывающую несколько тысяч всадников. Что уж тогда говорить об Иване III, в распоряжении которого оказались после покорения Новгорода и Твери и подчинения Рязани и Пскова ресурсы практически всей Русской земли! Это, конечно, не 90 тыс. конных и пеших воинов, как полагал Ю. Г. Алексеев⁵⁵, но послать на своих неприятелей 15–20-тысячную рать (имея при этом еще и сильный резерв на всякий случай) ему было вполне по силам⁵⁶. Внук же Ивана III, Иван Грозный, обладал и того большими возмож-

⁵⁰ Вуич В. И. Малая война. СПб., 1850. С. 222.

⁵¹ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 215.

⁵² Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁵³ Смирнов А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 35.

⁵⁴ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 433.

⁵⁵ Там же. С. 161.

⁵⁶ См.: Пенской В. В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал.

ностями. Анализ росписи Полоцкого похода 1562–1563 гг., пожалуй крупнейшего военного предприятия его правления, позволяет предположить с высокой степенью вероятности, что в нем с русской стороны участвовало до 40–50 тыс. «сабель» и «пищалей» (не считая посохи и «кошовых») ⁵⁷.

Рост численности полевых армий на порядок совпал по времени с изменением их внутренней структуры. В свое время Герберштейн писал о том – изрядно, правда, «приукрашивая» действительность, – что москвиты в походах не используют пехоты и артиллерии ⁵⁸. Однако уроки битвы под Оршей в 1514 г., в ходе которой конная русская рать была разгромлена польско-литовским войском, состоящим из трех родов войск, были москвитами быстро учтены. И вот на берегах Оки летом 1532 г. Василий III в ожидании татарского набега собрал «княжат и дворян двора своего и детей боярских изо многих городов безчислено много; а наряд был великой, пушки и пищали, и ставлены на берегу на вылозех, от Коломны и до Коширы, и до Сенкина, и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добре много, столко и не бывало...» ⁵⁹. Иван же Грозный приводит с собой под Полоцк наряд «большой», «средней и лехкой», а вместе с ним и 10–12 тыс. пехоты (стрельцов, казаков и даточных людей), вооруженной по преимуществу огнестрельным оружием ⁶⁰. Последних же нужно было снабдить не только провиантом и фуражом (поскольку изначально московская пехота, оснащенная огнестрельным оружием, для скорости была посажена на коней или перевозилась по двое-трое на телегах/санях – если не было возможности доставить ее на «передовую» водой, «в струзех»), но и свинцом, порохом-«зельем» и прочим подобным припасом. О размерах этого припаса свидетельствует пара характерных примеров из бюрократической переписки. Так, в уже упоминавшейся грамоте о наборе пищальников с Новгорода для казанской экспедиции ратники должны были взять с собою для своих пищалей еще и по 12 фунтов «зелья» и столько же свинца на человека ⁶¹. В октябре же 1555 г. новгородским дьякам была послана царская грамота с наказом всячески содействовать присланным московским пушкарям в изготовлении железных 600 ядер, а также предоставить им следующие материалы (очевидно, для последующего использования ядер): «Десять холстов, да триста листов бумаги добрые болшие, которая толста, да двадцать два пята лну мягкого малого, да восм ужищ лняных, по двадцати сажен ужищо... да восм коробок на ядра и на мешки, да осмеры возжи лычные, да двадцать гривенок свинцу, да восм овчин...» ⁶²

Проблемы, связанные с организацией снабжения большой рати обычными способами, только усугублялись присущими им, этим способам, органическими пороками. Возьмем, к примеру, «сильное имание». Небольшие отряды, отправлявшиеся «в зажитье», подвергались опасности быть перехваченными неприятелем и уничтоженными (как это было, к примеру, в 1518 г. под Полоцком ⁶³), ибо, как отмечал И. В. Вуич, «фуражиры, хотя высылаются и вооруженными, но во время самой фуражировки, по необходимости должны рассеиваться на значи-

2012. № 10. С. 77–78.

⁵⁷ Подсчитано автором по: *Анхимова Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 163–167; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123–134; *Буганов В. И.* «Взятие полоцкое Литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 31. М., 1969. С. 214–219.

⁵⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 243.

⁵⁹ Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 266.

⁶⁰ См., например: *Лебедевская летопись.* С. 305, 312.

⁶¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. I. С. 184.

⁶² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. С. 131.

⁶³ См.: *Пенской В. В.* Чудо на Двине (эпизод из истории 1-й Смоленской войны) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VI Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. Часть III. СПб., 2015. С. 368, 372.

тельном пространстве, и потому не могут представить никакого сопротивления самым даже незначительным партиям неприятельским»⁶⁴. И это уже не говоря о том, что фактически узаконенное мародерство неизбежно вело к падению дисциплины и боеспособности войска – так, в 1456 г., увлекшись грабежом Русы и отправкой взятых там «животов», московские дети боярские едва не проиграли сражение подошедшей новгородской рати⁶⁵.

Не менее, если не более негативный эффект имело «сильное имание» на своей земле, поскольку проходящие ратники особо не церемонились, «ставясь» «в селех и в деревнях» и удовлетворяя свои потребности, как это было в 1439 г. Тогда воины князя Дмитрия Шемяки и его братьев, шедшие на войну с ханом Улуг-Мухаммедом, умудрились «отличиться», заслужив себе недобрую славу – «все пограбиша оу своего же православнаго христианства и мучаху людеи из добытка и животину бяющее назад себе отсылаху, а ни чим же не розоидяхуся, все грабляхоу и неподобная и скверная деяху»⁶⁶. Другой аналогичный пример – во Пскове в 1473 г. государевы служилые люди «начаша... чинити над псковичи силно, а иное собою всячиною у псковичь грабити, бе бо с ними и тотарь тако же приехало много»⁶⁷.

Понятно, что такого рода эксцессы, повторявшиеся с завидной регулярностью, вызывали недовольство не только у тяглецов. Они, с одной стороны, подрывали авторитет верховной власти (от которой ожидали, что она будет держать своих людей в узде и придерживаться «твердо добраго закона правило, иссушаа крепко безакониа потоки»⁶⁸). С другой же стороны, опустошения, наносимые буйными детьми боярскими и их людьми, разорение ими крестьян и посадских препятствовали выполнению ими своих обязанностей перед государем – исправной выплате податей и несению повинностей. Не секрет, что «сильное имание» в немалой степени способствовало запустению северо-западных уездов в ходе Войны за ливонское наследство 1555–1595 гг.⁶⁹

Естественно, что власть стремилась минимизировать урон, наносимый произвольными реквизициями «ставящихся» проезжих ратников. Так, например, в разного рода льготных, жалованных и иных подобного рода грамотах освобождение от «силоного имания» входило в обязательный список привилегий, получаемых адресатом грамоты от государя, причем формула такого освобождения практически не менялась от времени ко времени: «В тех селцах у них не ставятца мои, великого князя, бояре, и воеводы, и ратные люди, и никакие ездоки, ни подвод, ни проводников у их людей не емлют, ни кормов на них не збирают, ни овса, ни сена, ни иного ничего. А хто у них станет в тех селцах в церковных силно, и что ся тем их людем каков протор или гибель учинит в их стоянье каково нибуди, и на тех велю то все доправити вдвое без суда и без правды»⁷⁰. Более того, что в эту формулу был внесен пункт о наказании мародеров и грабителей («а хто у них (крестьян. – *В. П.*) станет силно, да что возьмет, и тому платити без суда и без ысправы»⁷¹). Любопытно, но польский шляхтич С. Немоевский отмечал в своих записках в начале XVII в., что у московитов в обычае правило – «если бы кто в походе насильственно взял что-либо из припасов, хотя бы только сена – суровое наказание»⁷².

⁶⁴ *Вуич И. В.* Малая война. С. 228–229.

⁶⁵ См.: Московский летописный свод конца XV века. С. 274.

⁶⁶ Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 106.

⁶⁷ Псковская 3-я летопись. С. 195.

⁶⁸ Иосиф Волоцкий. Послания. СПб., 2007. С. 184.

⁶⁹ См., например: Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 297.

⁷⁰ См., например: *Маштафаров А. В.* Жалованные грамоты Кремлевского Архангельского собора 1463–1605 годов // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. С. 28. Ср.: *Каитанов С. М., Робинсон А. М.* Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 23. М., 1961. С. 256 или Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 180.

⁷¹ *Кобриш В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю: (XVI в.). С. 319.

⁷² Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 183.

В том, что это были не пустые слова, могли убедиться на собственном примере воевода князь М. В. Глинский и его люди: «И царь и великий князь про то (грабежи и насилия. – *В. П.*) на него (Глинского. – *В. П.*) опалался, и велел обыскати кого грабили дорогою, и на нем иным доправити те грабежи...»⁷³

В отдельных же случаях «сильное имание» попросту воспрещалось. И запреты эти диктовались либо политическими соображениями – например, в ходе кампании 1380 г., когда Дмитрий Иванович при вступлении своих ратей на Рязанщину «заповеда коемуждо полку, глаголя сице: «Аще кто идет по Рязаньской земле, да никтоже ничему же коснется, и ничтоже возметь у кого, и ни единому власу коснется»⁷⁴, – либо сугубо военными, как это было в ходе Полоцкого похода Ивана Грозного: «Путное же цареву и великого князя к Полотцску шествие нужно и тихо, потому что царь и великий князь всеми полки шел к Полотску одною дороною и заповедь великую положил: **перешед за рубеж, изо всех полков никакова человека по корм, ни на иную какую добычу отпущати не велел, чтобы теми малыми делы болшого дела не теряли** (выделено нами. – *В. П.*)...»⁷⁵ Да и в целом, как уже было отмечено выше, «сильное имание» и реквизиции не работали на слабо заселенной, с неразвитой инфраструктурой местности, которая оказывалась неспособной прокормить более или менее крупные воинские контингенты, особенно если, по тогдашнему обычаю, местное население «как поидет рать, ино хлебы все свозят в городы, а сена пожгут»⁷⁶.

Не меньше, если не больше, проблем (правда, иного характера) возникало в том случае, если служилые люди должны были везти «людцкой и конский корм» с собой (из расчета на все время кампании – пускай на те же три месяца, как в случае с Полоцким походом). То, что работало в те времена, когда войско в походе насчитывало несколько сот или тысяч человек, в случае с армией, имевшей десятки тысяч «едоков», двуногих и четвероногих, работать переставало. Ведь даже если посчитать требуемый припас по минимальной «Герберштейновой» норме (при средней грузоподъемности подводы/саней около 300 или несколько более килограммов, а навьюченной лошади – около 100 кг⁷⁷), то обоз войска, насчитывающего десятки тысяч ратных, обозных служителей и коней – строевых, вьючных и обозных, – вырастал до фантастических размеров. И это без учета артиллерийского обоза, повозок под имущество детей боярских (под те же доспехи и оружие, которые на марше обычно не носили, а везли в телегах, не говоря уже об одежде, шатрах, палатках, посуде и прочей «рухляди»⁷⁸) и подвод же, на которых для скорости марша по двое-трое ехали стрельцы и казаки!⁷⁹ В итоге складывалась ситуация, которую русский военный теоретик А. А. Свечин словами французского же военного теоретика XVIII в. Ру-Фузиляка характеризовал как «большие армии, многочисленные штабы, сильные парки, большие обозы, большие магазины, большие склады фуража, большие госпитали, одним словом, большие затруднения, большие злоупотребления, маленькие способности – и большие

⁷³ Псковская 3-я летопись. С. 235.

⁷⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000. С. 54. Отметим, правда, что это свидетельство довольно позднее, но даже если и так, то оно все равно фиксирует практику, которая действовала в XV–XVI вв.

⁷⁵ Лебедевская летопись. С. 305.

⁷⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 130.

⁷⁷ См., например: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. С. 284; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838. С. 224; *Калишин В. И., Яковлев А. А.* Коневодство. М., 1961. С. 233.

⁷⁸ См., например: Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. С. 199; Письмо гетмана литовского Радзивила о победе, одержанной при Уле, 1564 года, января 26-го // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1847. № 3. III. Материялы иностранные. С. 2; Продолжение Александрово-Невской летописи // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 329.

⁷⁹ См., например: Акты служилых землевладельцев. Т. IV. С. 36, 87, 131.

поражения...»⁸⁰. Обремененная колоссальным обозом армия становилась неповоротливой и малоподвижной, что противоречило самим основам московской стратегии и тактики.

Но вот что любопытно – несмотря на очевидное усложнение во 2-й половине XVI в. логистических проблем, источники, описывающие боевые действия что на татарском, что на ливонском или литовском «фронтах» во времена Ивана Грозного, не содержат упоминаний о кризисах, подобных тем, что имели место, к примеру, в 1502 или 1518 гг. И это при том, что и по числу задействованных войск, и по их структуре, и по их техническому оснащению та же казанская экспедиция 1552 г. существенно отличалась даже от походов, что предпринимал Василий III на Смоленск в 1512–1514 гг. Нет, конечно, не все было гладко, и сложности были, но срыва кампании из-за нехватки провианта, фуража или «зелья» и прочего припаса для наряда – такого не было. Значит ли это, что дьяки Разрядного приказа (который как центральное военно-административное учреждение окончательно оформился в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в.), учтя опыт предшественников, сумели отладить систему снабжения и та не без проблем, но достаточно исправно функционировала все время войн Ивана Грозного?

На этот вопрос, на наш взгляд, похоже, можно дать положительный ответ. Анализ сохранившейся в летописях, разрядных книгах и актовых материалах информации, позволяет утверждать, что действительно Разрядный приказ, комбинируя в разных соотношениях (применительно к конкретной ситуации) сложившиеся и отработанные прежде способы решения логистических проблем, добился более или менее удовлетворительной работы «интендантской» службы. В этом отношении показательная третья, 1552 г., Казанская кампания Ивана IV (из всех его военных предприятий логистика этого похода освещена в источниках, пожалуй, наиболее подробно).

Как же решалась проблема со снабжением войска в ходе третьей Казани? Политический кризис конца зимы – начала весны 1552 г. в татарской столице завершился «казанской изменой». После того, как стало окончательно ясно – казанцы отказываются принять московского наместника, а значит, задуманной унии не будет и новой войны не избежать, в Москве было принято решение об организации новой военной экспедиции на Казань, которая должна была окончательно решить «казанский вопрос».

Подготовка кампании началась, судя по всему, еще до того, как разрешился кризис в Казани. Проходила она в традиционном ключе. Как писал автор «Казанского летописца», из Москвы «по градом» были разсланы царские грамоты «всем князем, и воеводам, и благородным, и середним же, и обычным готовым быти на царскую свою службу со всяким запасом ратным с конми и со отроки...»⁸¹, причем ратным было повелено «збиратися на Коломну, на Коширу дальним городом Новугороду Великому и иным городом (очевидно, северо-западным – не только Новгороду, но и Пскову, Твери и «тянущим» к ним «пригородам». – *В. П.*), а Московским городом велел (Иван. – *В. П.*) збиратися в Муроме»⁸². Очевидно, что тогда же рассылаются на места грамоты о сборе посошных людей, конных и пеших, со своими подводами, инструментом и «кормом» (без которых не обходилось ни одно мало-мальски серьезное военное предприятие москвитов). Равным образом были разсланы и соответствующие «листы» о наборе «зборных» с «земли» конных и пеших людей, пищальников и лучников, которые также должны были иметь с собой все необходимые припасы на всю предполагаемую кампанию⁸³.

⁸⁰ *Свечин А. А.* Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 187.

⁸¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 103.

⁸² Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 73. Ср.: *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 120–124.

⁸³ См., например: Акты служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997. С. 207; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 184; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123.

По аналогии с другими походами можно также с уверенностью предположить, что по крайней мере часть ратных людей, двигавшихся по весенним дорогам к местам сбора, могла получать на ямах «корм» и фураж по установившейся еще во времена Ивана III «норме» – «на десять лошадей по четвертки овса да по острамку сена» и «на восемьдесят человек яловица, по польосмине круп, по полубезмена соли, или на десять человек по борану, круп и соли на денгу...»⁸⁴.

Уже на этом подготовительном этапе должна была проявиться отличительная черта московской стратегии и логистики. В свое время американский историк У. Мак-Нил отмечал, что «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки»⁸⁵. Казань, стоявшая на Волге, была удобным объектом для московской экспансии, ибо по Волге и ее притокам к месту предполагаемых боев легко можно было доставить водой все необходимое – не только пехоту и артиллерию, но и все необходимые припасы. И если в 1545 г. «наряжаемые» с Новгорода и новгородских пятин пищальники, конные и пешие, должны были иметь «суды», в которых «им корм и запас свой в Новгород в Нижней провадिति»⁸⁶, то и в 1552 г. такой шаг был неизбежен.

В конце апреля 1552 г., если верить автору «Казанского летописца», в Москве был устроен большой воинский смотр. По его итогам Иван IV, «видев же инех вои своих, убозех сущих и нужных всем, не имеющих у себя ни коней воинских, ни кормли, и тех для сотвори полаты свои оружныя и ризныя и житница хлебныя, даваше им до любве их и оружия всякая, и светлы ризы, и кормлю, и добрые кони ис конюшни свояя преже всего своего пошествия...»⁸⁷. Надо ли этот пассаж расценивать как оборот речи, или же Иван IV на самом деле взял на себя содержание наименее обеспеченных («малых статей»?) детей боярских – сегодня сложно сказать, но, судя по дальнейшему развитию событий, второй вариант трактования этой фразы вовсе не исключен.

После смотра началось развертывание войск на казанском направлении: «Отпустил государь воевод в судех на Свягу и велел дела своего беречи и собя государя дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановича Шуиского и иных воевод» (всего в этой судовой рати было 5 полков с 12 воеводами). С воеводами был отправлен водой в Свяжск «наряд» (артиллерия с припасами) и, что примечательно (обычно летописи об этом умалчивают), «многие свои запасы послал (Иван IV. – В. П.) на перекормление воинству, и ключников своих отпустил со всем дворовым запасом...»⁸⁸. И что еще любопытно – участник похода князь А. Курбский вспоминал позднее, что в Свяжск же были отправлены водою и припасы (большая их часть?), которые ратные люди взяли с собой из дома⁸⁹.

Мы не случайно обратили внимание на это место в летописном рассказе (еще раз подчеркнем, что из анализа текста следует, что составители летописи активно пользовались текущей разрядной документацией). Еще раз подчеркнем – то обстоятельство, что Казань находилась на большой водной магистрали, существенно облегчало русским задачу по организации снабжения многочисленной рати. Доставить водой к месту, где развернутся боевые действия, необходимые запасы, было не в пример проще и легче, нежели тянуть их на сотнях и тысячах

⁸⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. С. 129–131.

⁸⁵ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 120.

⁸⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. С. 184.

⁸⁷ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 104.

⁸⁸ Летописец начала царства. С. 73.

⁸⁹ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 34. О характере припасов см., к примеру: Грамоты и «Обидный список» полоцкого воеводы кн. А. И. Ногтева-Суздальского 1571–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. С. 31–32. Для полноты картины можно привести также список имущества, который был взят сыном боярским Григорием Русиновым в поход: Акты Русского государства 1505–1526 гг. С. 198–199. Наличие реки – такой полноводной и могучей, как Волга, – при таких раскладах было истинным спасением!

телег по русским дорогам. Наличие же такой передовой базы, крепости Свияжск, где можно было засклалировать необходимые припасы, позволяло рассчитывать на организацию более или менее бесперебойного снабжения осаждающих Казань войск.

«Казанский летописец» сообщает и еще одну интересную подробность. Согласно его сведениям, Иван IV «Волгою же отпусти с кормлею и со всяким запасом розным всего великого воинства своего и з болшим стенобитным нарядом огненным, яко да не будет нужда от пищи в всех на долго время...»⁹⁰. Сопоставив эти сведения с теми, что сообщает официальное летописание, можно сделать вывод, что Иван и Боярская дума решили подстраховаться и на всякий случай отправили водой в Свияжск «корм людтцкой и конский» не только для государева двора, но и для остального воинства – не только для стрельцов и казаков, но и детей боярских, их послужильцев, сборных людей и посохи.

По ходу развертывания войск планы кампании менялись. Отправив часть воинства и припасов на «Восточный», Казанский, фронт, Иван IV и бояре приняли решение часть войска развернуть на «Южном», Крымском фронте: «Аже даст бог, итти на свое дело и на земское с Москвы на Коломну в первой четверг, заговев Петрова поста, июня 16 день; и пришед ему на Коломну, с людьми збиратися, которым велено быти на Коломне, и ждати из Крыму вести. И будут про царя крымского полные вести, что ему на царевы и великого князя украины не быти, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти на свое дело с Коломны х Казани часа того. А не будет вести про крымского царя до Петрова дни, и царю и великому князю, положи упование на бога, итти с Коломны х Казани с Петрова дни; а итти ему с Коломны в Муром, а из Мурома итти полем»⁹¹. К отправке на «берег» в ожидании «прямых вестей» о намерениях крымского «царя» готовились «бояре его (Ивана IV. – В. П.) и жильцы и выбором дети боярские, а в полкх Новгородские люди»⁹². И когда 21 июня 1552 г. (sic!) явились «прямые вести» («пришли Крымские люди на Тульские места к городу х Туле»)⁹³, собравшаяся рать двинулась из Коломны к Туле.

До большого «прямого дела» между русской и татарской ратью дело не дошло – Девлет-Гирей, узнав о выдвижении главных сил русского войска, «побеже от града с великими срамом», «телеги пометал и вельблуды многие порезал, а иные живы пометал...»⁹⁴. 1 июля в Коломне состоялся военный совет, на котором было решено, раз уж хан отказался от своих намерений и «великим спехом» ушел в Крым, бросая по дороге множество загнанных коней⁹⁵, идти государю со всею ратью на Казань. Известие об этом решении вызвало волнение среди новгородских детей боярских. Они «государю стужающи, а бият челом, что им не възможно, столк будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывшим, да толику долготу пути итти, а там (под Казанью. – В. П.) на много времени стояти...»⁹⁶. В этом эпизоде обращает на себя внимание недовольство новгородских детей боярских открывшимися внезапно перед ними «перспективами». К началу июля они находились в кампании по меньшей мере 2,5 месяца (с середины апреля), а если считать еще и с дорогой из Новгорода – и того больше. И если они брали с собою припасов на 3–4 месяца⁹⁷, то к этому времени они в значительной степени должны были их израсходовать, «сильное имание» было маловероятно (по вполне понятным причинам), а доставка «корма» из новгородских вотчин и поместий по

⁹⁰ История о Казанском царстве. Стб. 104.

⁹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 135.

⁹² Летописец начала царства. С. 83.

⁹³ Там же. С. 83.

⁹⁴ Там же. С. 84.

⁹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 191.

⁹⁶ Там же. С. 191.

⁹⁷ См., например: Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 82.

очевидным причинам была более чем затруднительной. Стремясь предотвратить дальнейший рост недовольства и возможные волнения среди ратных, Иван (и его воеводы) «велит люди росписовати, хто по-хочет с государем пойти, и тех государь хочет жаловати и под Казанию перекормити...»⁹⁸, то есть Иван обязался взять тех, кто пойдет с ним на Казань с Коломны, взять на свое государево содержание и кормовое жалованье. Предусмотрительность, проявленная с отправкой весной водой в Свияжск царских ключников с припасами, оказалась совсем не лишней!

Отражение набега крымского хана на Тулу и тульские земли стало переломным моментом кампании. Убедившись в том, что южная, крымская, Украина в безопасности, Иван со своим войском, согласно первоначальному плану, двинулся на Казань. На военном совете было решено «идти надвое, вмещения для людем» (выходит, что разделение войска надвое было осуществлено для облегчения его снабжения на марше?), при этом было приговорено «самому государю идти на Володимер и на Муром, а воевод отпустить на Рязань и на Мещеру, а сходиться на Поле за Олатарем...»⁹⁹.

Поход второй рати во главе с большим воеводой князем И. Ф. Мстиславским проходил в сложных условиях (впрочем, если верить «Казанскому летописцу», и царская рать, выступив из Мурома к месту встречи, испытывала серьезные проблемы со снабжением водой¹⁰⁰). Его участник, князь А. М. Курбский, бывший тогда вторым воеводой полка Правой руки, вспоминал впоследствии, что князь Мстиславский был послан «со треманадесят тысящей люду чрез Резанскую землю и потом чрез Мещерскую, идеже есть мордовский язык», и, «препроводясь аки за три дня мордовские леса, изыдохом на великое дикое поле». Марш через степь растянулся на пять недель и был сопряжен с большими трудностями, «гладом и нуждою многою», поскольку, по словам Курбского, взятых с собою во вьюках и переметных сумах сухарей «не стало аки бы на 9 дней»¹⁰¹, после чего войску пришлось больше месяца питаться «ово рыбами, ово иными зверми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб...»¹⁰². Лишь встретившись с царскими полками в первых числах августа на Баранчевом городище на Суре-реке, однополчане Курбского «хлеба сухого наядохомся со многою сладостию и благодарением, ово зело драго купующе, ово позычающе от сродных, и приятел, и друзей...»¹⁰³. Очевидно, что рать Мстиславского шла налегке, только со вьючным обозом, тогда как царская – с полноценным обозом, включавшим в себя и вьючную, и тележную части.

Переправившись через Суру и соединившись, Иван и его воеводы со всей ратью двинулись дальше к Свияжску. Этот марш растянулся, по словам все того же Курбского, на восемь дней (если исходить из путевого дневника Ивана IV, семь дней марша и одна дневка). Проблемы со снабжением оставались, хотя и не настолько серьезные, чтобы вынудить русских повернуть назад – вести о приближении царского войска быстро распространились среди «горних людей, князей и мырз и казаков и Черемисы и Чюваши», которые поспешили в стан к Ивану с изъявлениями своей покорности. Жалую их своей царской милостью и отпуская им их вины, Иван и его советники добились того, что «горние люди» взяли на себя (пусть и частично – по причине малонаселенности местности) снабжение проходящего воинства. Курбский писал потом, что за время марша «нам привожено и, странам ездя, добывано купити хлеба и скотов, аще и зело драго плачено», чему изголодавшееся войско было несказанно радо¹⁰⁴

⁹⁸ Летописец начала царства. С. 85.

⁹⁹ Там же. С. 85.

¹⁰⁰ История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 115.

¹⁰¹ Ср.: Chase K. Firearms. A Global History to 1700. Cambridge, 2003. P. 17.

¹⁰² Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 32.

¹⁰³ Там же. С. 32; Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. Т. XIII. С. 199–200.

¹⁰⁴ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 32.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.